

Р. И. Беккин

**«Рабочие мне угрожали убийством
за назначение Баязитова...»:
М.-С. Баязитов и дело ленинградских
мулл 1932 года**

Поколение дворников и сторожей
Потеряло друг друга
В просторах бесконечной земли...

Б. Гребенщиков

1930-е годы — один из наименее изученных периодов в истории мусульманской общины Ленинграда. Значительная часть документов, способных пролить свет на жизнь ленинградских мусульман в указанное время, безвозвратно утрачена в годы сталинских репрессий, в частности после двух уголовных дел 1931 и 1932 гг., когда были арестованы имамы и многие члены «двадцатки» — приходского совета при мечети. Подробности первого дела, главными фигурантами которого выступали имамы Якуб Халеков¹ (1887–1950)¹ и Камалетдин Басыров (1876–?), рассмотрены нами в ряде статей².

После проведенных в ночь на 19 февраля 1931 г. арестов мусульманская община города была на время обезглавлена, лишившись сразу двух духовных лидеров, пользовавшихся авторитетом у прихожан. Однако верующим удалось консолидироваться, и новым имам-хатибом в короткие сроки был избран Мухаммед-Сафа Баязитов (1877–1937). Мечеть продолжала служить центром религиозной жизни татарской колонии (как тогда имено-

**Беккин Ренат
Ирикович**
проф. РАН;
д-р экон. наук,
канд. юрид. наук,
проф., Институт
востоковедения РГПУ
им. А. И. Герцена;
вед. науч. сотр.,
Институт Африки
РАН (Москва, Россия)

вали в официальных документах татарское население города), насчитывавшей около 35 тыс. чел.³ В дни мусульманских праздников (Ураза-байрам и Курбан-байрам) в 1931 г. мечеть посещали до 8 тыс. чел., а объем денежных сборов доходил до 5 тыс. руб.⁴

Тем, кто знаком с биографией бывшего муфтия Оренбургского магометанского духовного собрания (далее — ОМДС) в Уфе Мухаммед-Сафы Баязитова, может показаться удивительным, что этот человек, ставший после свержения монархии, выражаясь современным языком, нерукопожатной персоной (подробнее об этом скажем чуть ниже), был избран верующими на должность имам-хатиба.

Вопрос о включении Баязитова в штат мечети поднимался еще в 1929 г. проживавшими в Ленинграде и его пригородах касимовскими татарами. До 1915 г., когда Баязитова назначили муфтием ОМДС, он возглавлял Второй магометанский приход Петрограда, учрежденный в 1870 г. по инициативе касимовских татар — выходцев из Рязанской и Тамбовской губерний⁵. В качестве имама касимовцы пригласили Атаулла Баязитова (1847–1911). С 1911 г. имам-хатибом и *мударрисом* был избран и утвержден его сын Мухаммед-Сафа.

Судя по имеющимся данным, Баязитов выполнял функции неофициального (незарегистрированного⁶) муллы для касимовских татар все время после своего возвращения в Петроград в 1922 г.⁷ Несмотря на значительное сокращение численности населения города в годы революции и Гражданской войны, касимовские татары продолжали составлять значительную часть татарской общины города.

В 1929 г., когда обсуждался вопрос о Баязитове, большинство членов «двадцатки» было против его принятия в штат мечети в качестве имама⁸. В этом они находили горячую поддержку у части верующих. В адрес председателя приходского совета⁹ Билала Рахимова даже поступали прямые угрозы от прихожан. Вот что он сообщал следователю: «Мне неоднократно звонили по телефону рабочие, которые ругали меня за то, что теперь муллой мечети назначен Баязитов... Другие рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова. Я в мечеть был выдвинут рабочими-татарами»¹⁰.

Однако с 1 января 1930 г. Баязитов был зачислен в штат мечети в качестве имама. Неизвестно, по каким причинам члены «двадцатки» все же решили принять Мухаммед-Сафу. С уверенностью можно сказать одно: в то время мусульманский богослов-реформатор Муса Бигеев (1873–1949) оставался в городе¹¹, его авторитет среди ленинградских мусульман был непререкаем, и очевидно, что решение об избрании Баязитова имамом не обошлось без его одобрения. Это обстоятельство, а также ряд других косвенных свидетельств (подробнее скажем о них ниже) показывают, что вопрос о непримиримой конфронтации между Бигеевым и Баязитовым отчасти преувеличен некоторыми авторами¹².

Конечно, двух этих ярких представителей религиозной и политической жизни мусульман России в начале XX в. сложно назвать единомышленниками. Баязитов принадлежал к правому крылу так называемого мусульманского духовенства, а Бигеева можно охарактеризовать как умеренного левого. Но все эти противоречия имели значение в дореволюционный период, когда происходило

становление татар как политической нации. В 1920-е и особенно в 1930-е гг. изменилась сама среда, в которой существовали мусульмане России. Даже у тех имамов, которые первоначально были настроены на сотрудничество с советской властью (как тот же Бигеев), исчезли последние иллюзии в отношении перспектив такого взаимодействия. На повестке дня стоял вопрос о сохранении самой религии в условиях атеистической пропаганды и усиливавшегося давления на религиозных деятелей, и потому разные политические силы среди мусульман вынуждены были действовать сообща. Это не всегда получалось, но опыт ленинградской общины в 1929–1931 гг. демонстрирует, что тактический союз между духовными лидерами с разными политическими взглядами был возможен.

Указанное обстоятельство не в последнюю очередь повлияло на решение «двадцатки» принять в штат мечети Баязитова, который продолжал пользоваться авторитетом среди значительной части мусульман Ленинграда и его окрестностей (из числа касимовских татар¹³). О том, что Баязитов был участником религиозной жизни в городе Ленина еще до официального утверждения его имамом, свидетельствуют материалы дела 1931 г. Так, во время допроса подозреваемых и свидетелей фамилия Мухаммед-Сафы упоминалась наряду с Халековым и Басыровым среди имамов, посещавших ленинградских татар¹⁴.

В феврале 1931 г. Баязитова по неизвестным причинам не арестовали — возможно, потому, что он никак не мог быть подведен под категорию сподвижников Мусы Бигеева, а дело 1931 г. имело целью подвергнуть репрессиям ближайших сторонников Мусы эфенди после тайной эмиграции последнего из Советской России в конце 1930 г.

Затевая арест, органы Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ) старались лишить общину руководства и тем самым создать предпосылки для закрытия мечети. Разговоры об этом велись с начала 1920-х гг.¹⁵ Однако мусульманам города удалось не допустить закрытия мечети. Давление на общину усилилось с конца 1920-х гг. В 1927 г. перестала функционировать военно-морская мечеть в Кронштадте¹⁶, имам-хатиб и члены «двадцатки» были арестованы. В Ленинграде власти также пытались закрыть мечеть, в том числе руками самих татар. Так, 2 марта 1930 г. прошло экстренное совместное заседание Антирелигиозной комиссии¹⁷ и актива татарской секции Дома просвещения народов Востока. Во время дискуссии некий Муратов ходатайствовал о передаче мечети под «культочаг». В протоколе 1-го заседания данной комиссии говорилось: «Муса Бигеев ведет усиленную пропаганду против закрытия мечети, а потому нам необходимо принять срочные меры, чтобы добиться немедленного закрытия мечети»¹⁸.

Нельзя исключать, что, зная отношение части верующих к фигуре Баязитова, чекисты рассчитывали на конфликт среди прихожан мечети, который создал бы повод для вмешательства властей. Но эта тактика, если она была именно таковой, не оправдала себя. Количество верующих, посещавших мечеть, не сокращалось, и конфликта в общине (по крайней мере массового, вылившегося за ее пределы) не произошло.

Таким образом, организация нового уголовного дела была лишь вопросом времени. Первые аресты произвели в мае 1932 г., 26 мая 1932 г. арестовали и Баязитова. Всего по делу № 1296-32 «По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С.» проходили 27 чел. Поскольку, как будет видно далее, основными фигурантами данного дела выступали муллы (и официальные, и незарегистрированные), мы будем называть его далее «делом ленинградских мулл».

В деле этом много неясного. Главный вопрос: что послужило основной причиной (или, вернее) поводом для ареста подозреваемых? Для ответа на него, как представляется, необходимо разобраться, кем были два других лица, упомянутых в заголовке дела наряду с Баязитовым.

Уроженец села Чембилей в Симбирской губернии¹⁹ Фатих Гимадитдинович Юнусов (1875–?) был выпускником медресе «Мухаммадия» в Казани. С 1914 по 1920 г. служил муэдзином в Первом магометанском приходе Петрограда, а с 1920 г. — муэдзином при Соборной мечети²⁰. После ареста Я. Халекова Юнусов стал одной из ключевых фигур в общине. Он посещал семьи высланных Халекова и Басырова²¹. Так, письма Мусы Бигеева к Баязитову, поступавшие из-за границы с оказией, доставлял адресату обычно «Фатих мязин»²². Не случайно в «деле ленинградских мулл» фамилия Юнусова идет первой. То, что Юнусов играл значительную роль в жизни мечети, подтверждают и показания других лиц, проходивших по этому делу в качестве обвиняемых или свидетелей²³.

Председатель «двадцатки» Б. Рахимов характеризовал Ф. Юнусова как сторонника Халекова²⁴, однако во время следствия в 1931 г. Юнусов проявил себя не самым лучшим образом. Он дал показания против Халекова, которые были впоследствии использованы следствием. Так, Юнусов говорил: «Мулла Халиков, в большинстве своем, посещал богатых татар, где бывают сборища по 10–15 чел. <...> Халиков очень красноречив, его всегда выслушивали с вниманием. Группа Халикова, как: Саямов, Еникев, Тифитулин, Баймашев и друг., стоящие близь него, а также мулла Басыров, среди местных татар вели агитацию о недовольстве советской властью, говорили, что скоро будет война. Советской власти будет конец. Муллы Халиков и Басыров, когда посещали квартиры татар, занимались антисоветской агитацией: указывали, что советская власть преследует религию, давит население налогами, к татарам советская власть относится плохо, лишает их права голоса, не дает работы»²⁵. В феврале 1931 г. Ф. Юнусов проходил по делу лишь как свидетель.

Что касается Адикаева, то о нем известно меньше. Абдулла Изятуллович Адикаев был муллой в селе Татарские Юнки Пензенской губернии до 1921 г. С 1921 по 1924 г. он проживал в Вологде, где работал учителем (возможно, совмещая это занятие с работой незарегистрированным муллой). В 1924 г. он переехал в Ленинград, где служил до 1925 г. в одном из Туркестанских стрелковых полков²⁶, входивших в 4-ю Туркестанскую стрелковую дивизию²⁷.

Адикаев был не единственным бывшим муллой, проходившим по делу 1932 г. Из 27 обвиняемых 9 чел. (включая Баязитова) относились к категории служителей мусульманского культа. Экономическая политика коллективизации

и раскулачивания в конце 1920-х — начале 1930-х гг. привела в Ленинград большое количество татар — выходцев из сел и деревень. Среди них имелось немало людей, работавших в прошлом муллами или муэдзинами, в том числе выпускников известных медресе в Поволжье и на Урале.

Остро нуждаясь в средствах к существованию, эти люди, оказавшись среди своих земляков и единоверцев, стали проводить обряды на дому. Религиозная жизнь не исчерпывалась стенами мечети. Не все верующие могли посещать богослужения (не только пятничные, но и праздничные, где легко затеряться в толпе), опасаясь проблем по службе. Для этих целей приглашали имама на дом для чтения Корана и проведения таких обрядов, как никах (бракосочетание), исем кушу (имянаречение). В итоге, помимо официального духовенства, в городе действовали десятки внемечетных мулл. Кто-то из них помогал зарегистрированным имамам проводить обряды. Основным источником заработка для многих бывших мулл, имевших, как правило, большие семьи, было подаяние (*садака*), которое они получали, посещая *меджлисы* на квартирах у ленинградских татар. В остальное время, как свидетельствуют анкеты фигурантов дел 1931 и 1932 гг., они работали по преимуществу дворниками и сторожами²⁸.

Из показаний председателя «двадцатки» Билала Рахимова видно, что незарегистрированные муллы иногда пытались осуществлять свою деятельность в открытую: «За последнее время наехало в Ленинград много мулл, которые бывают в мечети каждую пятницу. Один мулла высказывал намерение читать Коран в мечети, но я ему не разрешил. Некоторые муллы во время моления в мечети садятся вместе с местными муллами и собирают от прихожан деньги. Но бывают случаи, когда приезжие муллы хоронят на кладбище, за что получают деньги»²⁹.

Судя по материалам дела, Баязитов не приветствовал деятельность неофициальных мулл³⁰, но ничего поделать не мог. Он сам совсем недавно находился в похожем положении внемечетного муллы, не имея возможности приобрести легальный статус «служителя мусульманского культа». Подобно тому, как в свое время касимовские татары хотели видеть имамом своего земляка, их единоверцы из нижегородских сел предпочитали обращаться для удовлетворения своих духовных потребностей к имамам из Сергачского уезда.

Таким образом, несмотря на то что ни имам-хатиб, ни председатель «двадцатки» Рахимов не потворствовали работе незарегистрированных мулл, их деятельность протекала зачастую вне контроля руководства общины. Подобное положение дел вызывало серьезные опасения со стороны политической полиции (ОГПУ). Это обстоятельство отражают формулировки обвинительного заключения по делу 1932 г.: «В период 1931–1932 г. в Ленинград, укрываясь от репрессий местных властей, стали наезжать муллы и кулаки преимущественно из деревень Нижегородского и Средне-Волжского края. Здесь они находили себе прием у местного мусульманского духовенства, торгашеской прослойки, комбинировали различными способами добычу документов, устраивались на работу на фабрики и заводы и занимались контрреволюционной деятельностью. Имея при этом деловой контакт с местным контрреволюционным

элементом части Ленинградской татколонии, данная группа в целом широко распространяла свое влияние на основную массу татар, используя в этом мечеть как место, организующее мусульманское население, а также отдельные общины с последними»³¹.

Иными словами, в «деле ленинградских мулл» присутствовали следующие ключевые элементы: 1) бывшие кулаки, настроенные негативно (критически) по отношению к советской власти; 2) бывший муфтий Российской империи, снисходительно смотревший на деятельность бывших кулаков и мулл (нередко выступавших в одном лице); 3) неослабевающая религиозная активность мусульман. Центром же контрреволюционной деятельности выступала мечеть как консолидирующий институт. Выбор трех главных «контрреволюционеров» не случаен: Юнусов был в свое время близким к арестованному имаму Халекову человеком, пользовавшимся доверием Бигеева. Он в глазах следствия выступал координатором антисоветской работы в мечети. Адикаев, со своей стороны, годился на роль наиболее активного представителя «раскулаченных элементов», прибывших в последние годы в Ленинград. Кроме того, он являлся бывшим муллой, осуществлявшим неподконтрольную властям религиозную деятельность. Возникает вопрос: какая роль в этой схеме отводилась Баязитову?

Судя по материалам дела, Мухаммед-Сафа все годы после революции вел себя крайне осторожно, опасаясь любых действий, которые могли бы привлечь внимание со стороны властей. Характерно свидетельство муэдзина Семиуллы Ахтямова (1865–?)³²: «Был случай, когда я успел на приглашение к татарину для выполнения обрядов покойнику, Баязитов раскричался, что я без его ведома ухожу и сказал: “Не забывай три буквы: ГПУ”»³³.

Отметив, что «к Баязитову часто приходили люди, которые просили у него работу, жилье»³⁴, Ахтямов не указывал, какие конкретные шаги предпринимал имам-хатиб в дальнейшем, удовлетворял он эти просьбы или нет. Вероятно, отсутствие у следствия серьезных компрометирующих Баязитова как активного врага советской власти сведений отразилось на характере и содержании тех вопросов, которые задавал ему следователь. Из материалов дела создается впечатление, что следствие в большей мере интересовало не столько деятельность Баязитова в должности имама Ленинградской мечети, сколько его дореволюционное прошлое, когда он был главой Второго магометанского прихода в Петрограде (1911–1915 гг.), а затем муфтием в Уфе (1915–1917 гг.).

Эти же вопросы затрагивались в показаниях подозреваемых и свидетелей. Тот же С. Ахтямов категорично заявлял: «Всем татарам известно, что Баязитов в прошлом работал в охранке»³⁵.

Бывший член «двадцатки» Гиниатулла Чепаяев утверждал: «О Баязитове мне известно, что он в дореволюционное время, как и его отец, состояли чиновниками царского правительства. Старались препятствовать национальной деятельности мусульман, работали не в пользу мусульман, а во вред их. Так, как я слышал, ими были выданы правительству передовые муллы и лица г. Ленинграда и Казани. После революции Баязитов якобы бежал из Ленинграда»³⁶.

Сам Мухаммед-Сафа категорически отрицал свои связи с охранным отделением: «В охранке я не служил и, наоборот, презирал ее»³⁷. Он отвечал, что

имел контакты только с Департаментом духовных дел иностранных исповеданий при МВД «по линии культа»³⁸. Баязитов подтвердил, что получал однажды (в 1911 г.) деньги от жандармского управления за перевод книги с татарского языка (неназванного в деле «беллетристического сочинения»). Изначально это предложение поступило от начальника Учебного отделения Азиатского департамента МИД востоковеда В. А. Жуковского отцу Баязитова Атаулле, но тот поручил сделать перевод сыну, так как был уже серьезно болен³⁹. Баязитов не мог припомнить, какая точно сумма была тогда ему выплачена. Деньги, по его словам, он передал отцу⁴⁰.

Другой вопрос следствия касался участия Баязитова в создании и работе союза «Сират аль-мустахим». Данную организацию современники из либерального лагеря мусульман называли черносотенной⁴¹. Баязитов, не вдаваясь в детали идеологии Союза, указывал на допросе в мае 1932 г., что инициатива по созданию «Сират аль-мустахим» принадлежала Фатиху Байрашеву⁴². Насколько эти слова соответствовали истине?

Еще в 1914 г. газета «Нур», главным редактором которой был М.-С. Баязитов, напечатала «Разъяснение» — ответ на статью, опубликованную в № 5 издававшейся в Москве татарской газеты «Иль». Баязитов там был назван автором и главным инициатором создания «Сират аль-мустахим»⁴³. В «Разъяснении» Мухаммед-Сафа категорически отвергал данное утверждение, прямо указывая, что «автор и инициатор союза — Фатих Байрашев»⁴⁴.

Байрашев тогда был еще жив, как и адвокат Б. В. Никольский, писавший устав «Сират аль-мустахим»⁴⁵, поэтому вводить в заблуждение мусульман при таком количестве свидетелей Баязитов вряд ли решился бы. Впрочем, и в глазах мусульман-либералов в 1914 г., и в глазах органов ОГПУ в 1932 г. это не снимало с него ответственности как с лица, поставившего свою подпись под обращением к министру внутренних дел с ходатайством зарегистрировать устав «Сират аль-мустахим».

Материалы «дела ленинградских мулл» свидетельствуют о том, что оно имеет более эклектичный характер, чем дело 1931 г. Тогда, в 1931 г., основной задачей следствия было выявить связи Бигеева в среде мусульман Ленинграда. Бигеев выступал основным звеном в деле. Изучая отношение мусульман к Бигееву и их контакты с ним, следствие устанавливало виновных. В 1932 г. отсутствовала единая фигура, объединявшая всех проходивших по делу 27 человек. Поэтому для следствия оказывались пригодными любые свидетельства, которые могли бы показать с негативной стороны подозреваемых, плавно перешедших в разряд обвиняемых. В частности, предпринимались попытки выявить финансовые злоупотребления со стороны «двадцатки» и ее председателя. Но эта линия работы следствия не дала впечатляющих результатов.

Так, председателю «двадцатки» Рахимову задали вопрос о том, почему он не сразу зарегистрировал поступившие в кассу мечети 500 руб. На это Рахимов отвечал: «Были случаи, когда мне лично передали деньги 500 р. и 300 р. и больше не было. Первые 500 р. мне передал какой-то старик, говорил, что деньги эти посылает мясник Хусейн, которого я лично не знаю, вторые 300 р. передал мне слепой Хафис⁴⁶ — не сказал от кого именно... Деньги эти я принял

и объявил в мечети, что для мечети передана неизвестно кем указанная сумма. 300 р. я зарегистрировал сразу, а 500 р. частями по двум пятницам, с тем чтобы в книгах не было крупных поступлений»⁴⁷.

Имелись в мечети и более серьезные нарушения, о которых сообщил один из свидетелей по делу — Хасан Ибрагимович Гимбицкий. Он работал кочегаром при мечети без оформления документов, а официально на этой должности числился Карл Янович Колкин. Колкин платил Хасану Ибрагимовичу 60 руб. в месяц из своего оклада за то, что тот подменял его в некоторые дни⁴⁸. Со временем Колкин вообще перестал выходить на работу, продолжая делиться частью своей зарплаты с Гимбицким⁴⁹. Похоже, что такое положение дел устраивало всех. О том, что Гимбицкий работает нелегально, знали все сотрудники мечети, включая имам-хатиба Баязитова.

Гимбицкий жил в квартире муэдзина С. Ахтямова, своего отчима. Квартира располагалась в служебном доме при мечети. В этом же здании проживали другой муэдзин Фатих Юнусов и его однофамилец, а возможно, и родственник, Семиулла Юнусов, состоявший дворником при мечети. Дочь Ахтямова была замужем за последним. Очевидно, что в таких условиях Гимбицкий был свидетелем всего, что происходило в мечети и вокруг нее.

«К муэдзинам Юнусову Фатиху и Ахтямову, — сообщал Гимбицкий на допросе 10 мая 1932 г., — часто приезжают из деревни неизвестные лица, прописываются у них, делают объявление, что они утратили документ, получают в милиции справки и устраиваются на завод. Таких лиц приезжало много»⁵⁰. Иногда Гимбицкий пытался припугнуть очередных гостей: «Недавно приехал к Юнусову Ф. его брат, торговец. Я ему сказал: “Ты лишенец?” — и пообещал об этом сообщить, куда следует, он на другой день уехал»⁵¹.

О жене Ф. Юнусова Гимбицкий сообщал, что она «часто отправляется в Москву, достает где-то мануфактуру и занимается спекуляцией»⁵². По-видимому, Юнусовы, заметив недовольство Гимбицкого, решили задобрить его: однажды муэдзин подарил кочегару желтые ботинки («не знаю за что, думаю из-за трусости»⁵³). Но, несмотря на этот подарок, отношения Гимбицкого с супругами Юнусовыми и отчимом Ахтямовым лучше не стали.

«Это группа-тройка всегда ругала меня... “кяфир” — неверующий»⁵⁴, — сообщал Гимбицкий следователю, имея в виду С. Ахтямова, С. Юнусова и его жену. Не исключено, что поводом для подобного рода обвинений была склонность Гимбицкого к выпивке: «При такой обстановке — моего притеснения — я почти каждый вечер уходил в пивную»⁵⁵.

Впрочем, судя по всему, Гимбицкий старался не идти на открытый конфликт со своими соседями, понимая, что может лишиться работы и крыши над головой. Он не только фактически работал за Колкина, но и соглашался иногда выполнять обязанности дворника С. Юнусова (дежурить по ночам).

Очевидно, такой человек был находкой для органов ОГПУ. Не совсем понятно, что до его ареста удерживало его от обращения в органы. Следователю он объяснял такое не проявление бдительности так: после того как он, Гимбицкий, пригрозил сообщить «куда следует» о незаконной предпринимательской деятельности С. Ахтямова и Ф. Юнусова, последний заявил ему: «Я сам

агент ГПУ, я покажу тебе как заявление составлять»⁵⁶. Это признание смутило Гимбицкого, и он обратился к Колкину, рассчитывая, что тот раскроет ему реальное положение дел. Но последний только развел руками со словами: «Мулла и агент ГПУ?» Вскоре дворник Семиулла Юнусов стал угрожать Гимбицкому (по-видимому, в ответ на аналогичные угрозы со стороны последнего) донести на него в органы: «Посмотрим, кто на кого сообщит»⁵⁷. Через день Гимбицкий был действительно арестован⁵⁸. Таким образом, атмосфера вокруг мечети была настолько накалена, а желавших донести было так много, что начало нового дела против руководства мусульманской общины города стало вопросом ближайшего времени.

Примечательно, что не только Юнусовы, но еще как минимум два человека, проходившие по «делу ленинградских мулл», включая самого имам-хатиба, намекали на свое сотрудничество с ОГПУ или даже говорили об этом открыто. Так, председатель «двадцатки» Билал Рахимов⁵⁹ во время общения с инспектором Церковного стола Отдела управления Петроградского района Левицкой доверительно сообщил ей, что «послан в мечеть работать от ГПУ», затем добавил, что «не хотел работать, но его прислали»⁶⁰. Когда во время допроса Рахимова его мнимые «коллеги» спросили, для чего он выдавал себя за сотрудника органов, тот ответил: «Я хотел этим подчеркнуть, что в мечети незаконного ничего не дается. Все делается с ведома органов власти»⁶¹.

Еще более загадочным выглядит поведение самого Баязитова. По свидетельству Семиуллы Ахтямова, «мулла Баязитов терроризировал жильцов тем, что всегда подчеркивал свою работу в ГПУ»⁶². Логично предположить, что если бы осторожный Мухаммед-Сафа действительно был сотрудником органов, то едва ли он говорил бы об этом направо и налево. Скорее, подобно обоим Юнусовым, он использовал эти слова, чтобы запугать тех, к кому они были обращены. Однако такие мистификации сделали свое дело, и в сознании верующих за Баязитовым закрепился имидж сотрудника не только охраны⁶³, но и ОГПУ⁶⁴.

Пожалуй, единственное, что объединяло всех проходивших в качестве обвиняемых по делу 1932 г. лиц, — нелюбовь к советской власти. Причины ее могли быть разными. Очевидны мотивы, побуждавшие Баязитова не любить большевиков. Несмотря на то что его карьера муфтия разрушилась в результате Февральской революции, при Советах жизнь Мухаммед-Сафы приобрела характер борьбы за выживание⁶⁵.

Не за что было любить советскую власть и вчерашним кулакам, а ныне — дворникам и сторожам. Лишенные собственности и средств к существованию, люди бежали из родных сел в поисках спасения в большой город, но и здесь их настигла советская власть в лице ОГПУ. И если имамы еще могли между собой обсуждать такие проблемы, как введение во второй половине 1920-х гг. латинского алфавита вместо арабицы у тюркских народов Советского Союза и др.⁶⁶, то основную массу верующих волновали другие проблемы. Они хотели нормально жить, добывая средства к существованию привычным образом: крестьянским трудом, торговлей и ремеслом. Но и такой возможности у них не осталось. По данным ОГПУ, рабочие и служащие составляли не более 20 %

прихожан мечети, большинство из них — так называемые халатчики (халатники) и торговцы⁶⁷.

Основной претензией к советской власти у этих людей был запрет торговли. Так, в показаниях Абдуллы Азыма Хакимова читаем: «У нас были частые разговоры на тему, что советская власть не разрешает торговать частнику, ограничивает его в этом, тогда как пророк Магомет говорит, что торговля необходимая вещь для людей»⁶⁸.

Многие татары в Ленинграде верили в то, что советская власть продержится недолго. Так, бывший мулла Умер Бикяшев, работавший сторожем на лесопильном заводе рядом с бывшими Спасскими казармами, слышал, как матросы ругали начальство. Из этого он сделал вывод: «Все войска недовольны существующим строем, а мы-то и вовсе»⁶⁹. На одной из квартир к немечетному мулле Алимову обратились с вопросом: «Хазрят, вы знаете Коран, скажите, когда кончится это плохое время?» Он ответил: «ждите, Бог не позволит все время Вам мучиться, будет перемена»⁷⁰.

Подобные разговоры вели и фигуранты предыдущего дела 1931 г.⁷¹ Однако даже если бы в 1932 г. не было сфабриковано дело против бывших мулл и кулаков, то в 1937 г. они не избежали бы ареста. Повторное заключение под стражу, впрочем, ожидало многих из осужденных в 1931 и 1932 гг. Такая участь постигла, в частности, М.-С. Баязитова. После своего освобождения 1 июля 1936 г. Баязитов проживал в Казани, посещал курсы счетоводов Союзоргучета, работал в одном из почтовых отделений города. По некоторым сведениям, в Казани Баязитов также являлся немечетным муллой. Он был вновь арестован 6 декабря 1937 г. и расстрелян 26 декабря 1937 г. по приговору тройки НКВД Татарской АССР (по ст. 58-10 Уголовного кодекса РСФСР).

Однако это случилось позднее, а тогда, в 1932 г., постановлением Выездной сессии Коллегии ОГПУ от 19 июня 1932 г. Баязитова приговорили к пяти годам концлагерей (по ст. 58-10, 58-13). Основой для обвинения Мухаммед-Сафы послужила его прежняя деятельность до 1917 г. Опираясь на утверждения других обвиняемых и свидетелей, следователь отмечал: «Имеющиеся в деле документы изобличают его как охранника, ставленника в прошлом на должность Всероссийского муфтия мусульман по инициативе охраны для комбинации по линии мусульман России»⁷².

Как видно из материалов «дела ленинградских мулл», следствию не удалось доказать факт прямого сотрудничества Баязитова с охранкой. Но показаний некоторых лиц оказалось достаточно, чтобы предъявить ему такое обвинение. В пользу тезиса о том, что недоказанное сотрудничество с охранкой послужило лишь предлогом для ареста Мухаммед-Сафы, свидетельствуют материалы следствия по делу Халекова и Басырова в 1931 г. Тогда некоторые подозреваемые характеризовали Мухаммед-Сафу как «охранника»⁷³. Однако эти показания не привели в 1931 г. к аресту Баязитова. В дальнейшем положение о том, что Мухаммед-Сафа являлся ставленником охраны, фигурировало в уголовном деле Баязитова в 1937 г. как доказанный факт⁷⁴.

Большинство других проходивших по «делу ленинградских мулл» в качестве обвиняемых были осуждены на три года концлагерей (в том числе

Ф. Юнусов, А. Адикаев, Б. Рахимов и др.). Дальнейшая их судьба нам неизвестна. Дело муэдзина Семиуллы Ахтямова выделили в отдельное производство. Как и в 1931 г., этот человек таинственным образом избежал приговора и проходил не как обвиняемый, а как свидетель. В 1935 или в 1937 г. «двадцатка» пригласила Ахтямова на должность имам-хатиба Ленинградской Соборной мечети.

¹ В некоторых документах встречается иное написание фамилии имама — Халиков. Однако поскольку сам Якуб Кемалевич подписывался в основном как Халеков, и в статье мы используем этот вариант. Исключение составляют лишь цитаты.

² *Беккин Р. И.*: 1) Имам Якуб Халеков и мусульманская община советского Петрограда — Ленинграда // *Российская история*. 2017. № 1. С. 148–156; 2) «К татарам советская власть относится плохо...» (Судьба имама Я. К. Халекова) // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 1. С. 82–90; и др.

³ Дело № 1296-32 г. По обвинению контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Юнусовым Ф., Адикаевым А., Баязитовым С. (далее — Дело № 1296-32) // *Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл.* П-86059. Т. 2. Л. 129.

⁴ Там же.

⁵ Касимовских татар не удовлетворяли имамы из числа нижегородских татар, стоявшие во главе Первого магометанского прихода Петербурга, основанного в 1828 г. Подробнее об этом см.: *Беккин Р. И., Тагирджанова А. Н.* Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях. М.; СПб., 2016. С. 145–146.

⁶ В статье для обозначения не имевшего официальной регистрации мусульманского служителя культа мы будем использовать в качестве синонимов следующие определения: неофициальный, незарегистрированный и внеметный.

⁷ По данным анкеты Баязитова, с 1919 по 1921 г. он проживал под Казанью, где служил муллой (Дело № 1296-32. Л. 126 об., 184 об.).

⁸ Там же. Л. 79 об.

⁹ В функции председателя «двадцатки» входили: 1) сохранение имущества мечети; 2) уплата налогов в пользу государства; 3) добыча топлива; 4) производство ремонта; 5) выполнение распоряжений власти по мечети; 6) сбор денег в добровольном порядке (Там же. Л. 56).

¹⁰ Там же.

¹¹ В 1917 г. Мусу Бигеева избрали первым имам-хатибом Соборной мечети в Петрограде. В 1920 г., решив уделять больше внимания научной и политической деятельности, он оставил эту должность. Имам-хатибом был избран Якуб Халеков, однако Бигеев продолжал оставаться фактическим руководителем мусульманской общины Ленинграда вплоть до своей эмиграции в 1930 г.

¹² После назначения Баязитова муфтием ОМДС в 1915 г. Бигеев на страницах газеты «Турмуш» высказал свое отношение к решению правительства: «Уважая национально-религиозные чувства русских мусульман, Правительство на пост главы духовенства могло бы предоставить хотя бы человека с глубокими душевными качествами, глубокого ума, нравственного, с чистыми взглядами и авторитетного... В полном смысле невежда, подлый человек, искусный доносчик назначен во главе духовенства, чем руководилось в данном случае Правительство, нам совершенно неизвестно» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 607. Л. 106–107 (цит. по: *Тагирджанова А. Н.* Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках: сборник историко-биографических материалов. Казань, 2010. С. 455)).

¹³ Ядро (наиболее активную часть) касимовской общины Ленинграда еще с дореволюционной поры составляли купцы или их потомки, владевшие предприятиями общепита, а также занимавшиеся другими видами предпринимательской деятельности, и служившие в ресторанах официантами, значительная часть которых была настроена консервативно.

¹⁴ Так, один из обвиняемых по делу 1931 г. Измаил Саямов сообщал: «Идеологию Бигеева разделяют муллы Халиков, Басыров и Баязитов, в своих проповедях (они) осторожнее,

но проводят те же взгляды» (Следственное дело № 111999 по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халековым Якубом и Басыровым Кемалем (далее — Дело № 111999) // Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. П-74704. Т. 1. Л. 112).

¹⁵ Вот что писал о событиях 1920 г. муфтий Г. Баруди: «Из Петрограда приехал мухтасиб, мулла Латифулла-эфенди... Из петроградских новостей: поскольку возникла угроза, что отберут новую мечеть, ее спешно открыли и стали проводить в ней пятничные молебствия» (*Баруди Г.* Памятная книжка. Казань, 2000. С. 76).

¹⁶ Подробнее об истории мечети см.: *Беккин Р. И.* Мусульманская община Кронштадта XIX — начала XX в. // Эхо веков = Гасырлар авазы. 2016. № 1–2. С. 238–245.

¹⁷ В одном из документов данная комиссия названа Комиссией по проведению работы по закрытию мечети (Дело № 111999. Т. 2. Л. 251).

¹⁸ Там же.

¹⁹ В наши дни село Чембилей входит в состав Краснооктябрьского района Нижегородской области.

²⁰ Официальное открытие мечети состоялось в феврале 1913 г. во время торжеств, посвященных 300-летию Дома Романовых. Однако внутренние отделочные работы продолжались до 1920 г. Община мечети возникла на базе Первого магометанского прихода г. Петрограда.

²¹ Халеков был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала, Басыров оказался на Соловках.

²² Дело № 1296-32. Л. 41 об.

²³ См., напр., показания Ахтямова (Там же).

²⁴ Там же. Л. 28 об.

²⁵ Обвинительное заключение по делу № 111999. Т. 2. Л. 373–374. — Юнусову вторил другой муэдзин при мечети — Семиулла Ахтямов: «Бигеев нам известен как националист, он это высказывал во время проповедей. Муллы Халиков и Басыров являются его сторонниками, проповедовали также “бигеевские” взгляды... Все эти лица настроены враждебно к Советской власти, завоевали себе авторитет среди татар...» (Там же. Т. 2. Л. 374).

²⁶ Номер полка в деле не указан.

²⁷ Дело № 1296-32. Т. 1. Л. 8–9.

²⁸ Например, бывший мулла Мирхафиз Хайбуллов работал дворником. Примечательны его слова, произнесенные в адрес советской власти: «Я пока буду работать, но когда будет конец этой власти, я этой метелкой всех коммунистов буду выметать» (Там же. Т. 2. Л. 36 об.).

²⁹ Там же. Л. 27 об.

³⁰ Там же. Л. 23 об.

³¹ Там же. Л. 128.

³² С 1914 по 1923 г. Семиулла Ахтямов служил дворником при мечети (Дело № 111999. Т. 2. Л. 266).

³³ Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 80 об.–81.

³⁴ Там же. Л. 80 об.

³⁵ Там же. Л. 81.

³⁶ Там же. Л. 32.

³⁷ Там же. Л. 126 об.

³⁸ Там же. Л. 126. — В принадлежности к охране подозревался и другой фигурант этого же дела — Биал Рахимов («Подозревается в работе в охране в царской России, антисоветской деятельности и провоцировании органов ГПУ» (Там же. Л. 111).

³⁹ Подробнее об отношениях между В. А. Жуковским и отцом и сыном Баязитовыми см.: *Беккин Р. И.* Последняя просьба Атауллы Баязитова (Гатауллы Баязитовныц сонгы гозере) // Фэнни Татарстан (Научный Татарстан). 2017. № 3. С. 92–96.

⁴⁰ Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 127 об.

⁴¹ Подробнее о «Сират аль-мустахим» и реакции российских мусульман на появление Союза см.: *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в российском парламенте, 1906–1916. Казань, 2005. С. 497–506.

⁴² Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 79 об.

- ⁴³ *Баязитов С.* Разъяснение // *Нур*. 1914. № 304. 4 февр. С. 1.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Подробнее об этом см.: *Никольский Б. В.* Дневник 1896–1918. М., 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 129, 132, 166.
- ⁴⁶ Имеется в виду Садретдин Ижбердеев (1863–1935), хафиз Корана (лицо, знающее текст Священной Книги мусульман наизусть). Ижбердеев начал осуществлять религиозно-педагогическую деятельность в Петербурге в конце XIX или самом начале XX в. Среди учеников его был, в частности, Зинетулла Имадетдин Ахсен Бёре — один из основных финляндских спонсоров мусульманской общины Ленинграда в 1920-е гг.
- ⁴⁷ Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 27.
- ⁴⁸ Там же. Л. 21 об.–22.
- ⁴⁹ Там же. Л. 22 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 23.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же. Л. 22 об. — Ср. еще одно высказывание Гимбицкого: «Я часто выпивал, но и в таком виде не мог заниматься антисоветчиной» (Там же. Л. 22).
- ⁵⁵ Там же. Л. 22 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 23 об.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ С 1914 по 1932 г. работал электромонтером в Эрмитаже.
- ⁶⁰ Там же. Л. 77.
- ⁶¹ Там же. Л. 56.
- ⁶² Там же. Л. 80 об. — Это, впрочем, не исключает того, что Баязитов мог сообщать по требованию органов информацию о посещении мечети гостями, в особенности иностранцами. Так, согласно свидетельским показаниям С. Ахтямова, Баязитов во время приезда турецкой делегации в мечеть громко потребовал, чтобы в мечети и квартирах при мечети никого не было: «Я должен обо всем донести» (Там же. Л. 81).
- ⁶³ Вот что писал о Баязитове в своей книге «Ислам в царской России» советский историк Люциан Климович: «Муфтий Баязитов был достоин полученной им от царя награды. Он делал все для наибольшего закабаления исповедующих ислам народов под скипетром русского самодержца. Как ставленник охраны, он согласовывал каждый свой шаг с планами своих именитых начальников. К этому призывал он и все свое “святое” воинство — всех вверенных ему мулл» (*Климович Л.* Ислам в царской России. Казань, 2003. С. 186).
- ⁶⁴ Об этом нам неоднократно доводилось слышать от пожилых татар-ленинградцев. Обычно формулировка была следующей: «Не помню точно, но мои родители, кажется, говорили, что Баязитов нехороший человек, он связан с ГПУ» (Интервью с С. Я. Халиковой. 10 января 2015 г. Полевые материалы автора).
- ⁶⁵ Вскоре после Октябрьской революции Баязитов обратился с заявлением к И. А. Залкиндю — первому заместителю наркома по иностранным делам РСФСР — с просьбой принять его на службу в качестве переводчика. После того как надежда получить работу не оправдалась, Баязитов покинул с семьей Петроград и отправился в Казань, где находился до 1922 г. (Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 79 об.)
- ⁶⁶ Большинство имамов (включая Бигеева и Халикова) выступали против латинизации алфавита (Там же. Л. 45 об.).
- ⁶⁷ Дело № 111999. Т. 2. Л. 250.
- ⁶⁸ Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 133.
- ⁶⁹ Там же. Л. 36.
- ⁷⁰ Там же. Л. 36 об.
- ⁷¹ Подробнее об этом см.: *Беккин Р. И.* «К татарам советская власть относится плохо...». С. 82–90.
- ⁷² Дело № 1296-32. Т. 2. Л. 139.

⁷³ В частности, в показаниях Измаила Салямова о Баязитове было сказано следующее: «Бывший царский охранник (слово «охранник» подчеркнуто в деле карандашом. — Р. Б.), до революции выступал с призывом итти на фронт воевать за “веру, царя и отечество” и итти против Турции» (Дело № 111999. Т. 1. Л. 109 об.–110).

⁷⁴ По обвинению гр-на г. Казани б/муллы Баязитова Сафы Гатаулловича // Архив ФСБ по Республике Татарстан. Д. 2-15192. Л. 3. — Кроме того, в данном деле косвенно упоминается и о «Сират аль-мустаким», когда говорится о том, что Баязитов состоял «в отряде черносотенцев» (Там же. Л. 1).

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2019 г.
Рекомендована к печати 12 сентября 2019 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Беккин Р. И. «Рабочие мне угрожали убийством за назначение Баязитова...»: М. С. Баязитов и дело ленинградских мулл 1932 года // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 4. С. 1058–1072. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.414>
УДК 94(470)

Аннотация: В статье рассматривается уголовное дело, заведенное ОГПУ в 1932 г. против «служителей мусульманского культа» в Ленинграде. Одним из обвиняемых по данному делу проходил последний муфтий Российской империи Мухаммед-Сафа Баязитов (1877–1937). Органы следствия арестовали не только Баязитова и членов приходского совета при мечети — «двадцатки», но и так называемых внеметных мулл, неофициально проводивших религиозные обряды среди мусульман Ленинграда. Последние вызвали серьезные опасения у ОГПУ в силу самого факта своего существования, так как их деятельность была практически неподконтрольна властям. Уголовное дело 1932 г. интересно тем, что позволяет ввести в оборот новую информацию, касающуюся биографии М.-С. Баязитова (в частности, сведения о его работе в качестве имам-хатиба Ленинградской Соборной мечети в 1931–1932 гг.). Несмотря на существовавший у Баязитова в советское время имидж сотрудника Охранного отделения Департамента полиции (охранки) МВД Российской империи, Баязитов продолжал пользоваться авторитетом у определенной части верующих в Ленинграде. Материалы дела также служат ценным источником для изучения повседневной жизни мусульман Ленинграда во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. В частности, как видно из показаний обвиняемых и свидетелей, проходивших по делу, принцип землячества в рассматриваемый период оставался весьма значимым для ленинградских татар (в том числе при выборе муллы для проведения обряда). Статья может быть интересна исследователям, изучающим историю коллективизации и репрессий начала 1930-х гг. в СССР.

Ключевые слова: Мухаммед-Сафа Баязитов, татары, Ленинград, Муса Бигеев, соборная мечеть, репрессии.

Сведения об авторе: Беккин Р. И. — проф. РАН; д-р экон. наук, канд. юрид. наук, проф., Институт востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена; вед. науч. сотр., Институт Африки РАН (Москва, Россия); bekkin@mail.ru

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Институт Африки РАН, Россия, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

FOR CITATION

Bekkin R. I. “Workers Threatened to Kill Me for Appointing Bayazitov...”: M.-S. Bayazitov and the Case of Leningrad Mullahs of 1932’, *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 4, 2019, pp. 1058–1072. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.414>

Abstract: In the focus of the article is a criminal case which was instituted by OGPU (*Obyedinennoe Gosudarstvennoe Politicheskoe Upravlenie*) against the ministers of Islamic religion in Leningrad in 1932. One of the accused was the last mufti of the Russian empire, Mohammed-Safa Bayazitov (1877–1937). Besides Bayazitov and the members of the so-called “*dvadtsatka*” (the congregational council of the mosque), the investigating authorities also arrested underground mullahs who had unofficially conducted religious rites among the Muslims of Leningrad. The latter activity caused serious apprehensions among OGPU by virtue of the very fact of its existence, since it was practically beyond the control of the authorities. The criminal case of 1932 is interesting not least because it puts into circulation new data concerning the biography of M.-S. Bayazitov (in particular, details about his work as *imam-khatib* of the Leningrad Cathedral Mosque in 1931–1932). Despite the image of a secret officer of the imperial security service (*ohranka*) that Bayazitov had in Soviet times, he continued to enjoy authority among a certain part of believers in Leningrad. The case materials are also a valuable source of information about the daily life of the Muslims of Leningrad in the second half of the 1920s — early 1930s. In particular, as can be seen from the testimony of the accused and the witnesses who were involved in the case, the principle of fellowship in the period under review continued to be of great importance to Tatars in Leningrad.

Keywords: Muhammed-Safa Bayazitov, Tatars, Leningrad, Musa Bigeev, Cathedral Mosque, repression.

Author: Bekkin R. I. — Professor of the Russian Academy of Sciences; Dr. Sci. in Economics, PhD in Law, Professor at the Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia; Leading Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); bekkim@mail.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, 48, nab. reki Moiki, St. Petersburg, 191186, Russia

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 30/1, ul. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russia

References:

- Barudi G. *Memorial book* (Kazan, 2000). (In Russian)
- Bayazitov S. ‘Clarification’, *Nur*, no. 304, 1914. (In Russian)
- Bekkin R. I. “‘To the tatars the Soviet Power is ill disposed...” (the life of imam Ya. K. Khalekov)’, *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 1, 2018. (In Russian)
- Bekkin R. I. ‘Last request by Attaullah Bayazitov’, *Fanni Tatarstan*, no. 3, 2017. (In Tatar)
- Bekkin R. I. ‘Imam Yaqub Khalekov and the Muslim community in Soviet Petrograd — Leningrad’, *Rossiiskaia istoriia*, no. 1, 2017. (In Russian)
- Bekkin R. I. ‘Muslim community of Kronstadt 19th — early 20th century’, *Echo vekov = Gasyrlar avazy*, no. 1-2, 2016. (In Russian)
- Bekkin R. I., Tagirdzhanova A. N. *Muslim Petersburg. Historical guide. The life of Muslims in the city on the Neva and its surroundings* (Moscow — St. Petersburg, 2016). (In Russian)
- Klimovich L. *Islam in Tsarist Russia* (Kazan, 2003). (In Russian)
- Nikolskiy V. V. *Diary, 1896–1918*, vol. 2: 1904–1918 (Moscow, 2015). (In Russian)
- Tagirdzhanova A. N. *A book about Musa efendi, his time and contemporaries: a collection of historical and biographical materials* (Kazan, 2010). (In Russian)
- Usmanova D. M. *Muslim representatives in the Russian parliament, 1906–1916* (Kazan, 2005). (In Russian)

Received: February 17, 2019

Accepted: September 12, 2019